

имеющей человеческую форму, еще не исходит из “внутреннего”, еще не есть язык, [т. е.] наличное бытие, которое само по себе внутренне, – и “внутреннее” многоформенного наличного бытия еще беззвучно, не различает себя внутри себя самого и еще отделено от своего “внешнего”, к которому относятся все различия. – Поэтому мастер соединяет то и другое, смешивая форму природную и форму, обладающую самосознанием; и эти двусмысленные, для себя самих загадочные существа, сознательное в борьбе с бессознательным, простое “внутреннее” в сочетании с многообразным “внешним”, темнота мысли в соединении с ясностью внешнего выражения раскрываются в языке глубокой, трудно понимаемой мудрости.

На этом произведении прекращается инстинктивная работа, которая создавала бессознательное по отношению к самосознанию произведения; ибо в этом произведении деятельности мастера, составляющей самосознание, идет навстречу столь же обладающее самосознанием, выражающее себя “внутреннее”. Мастер поднялся в своей работе до раздвоения своего сознания, когда дух встречается с духом. В этом единстве обладающего самосознанием духа с самим собою, поскольку он есть для себя форма и предмет своего сознания, очищаются, стало быть, его смешения с бессознательным модусом непосредственного природного оформления. Эти чудовища по форме, речи и действию растворяются в духовное формообразование, в нечто внешнее, что ушло в себя, в нечто внутреннее, что внешне проявляет себя в себе самом и исходя из себя, – в мысль, которая есть ясное наличное бытие, себя рождающее и получающее соответственно себе формообразование. Дух стал *художником*.

В. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

Дух возвел свое формообразование, в котором он дан своему сознанию, в форму самого сознания и создает себе таковую. Мастер отказался от *синтетической* работы, от *смешения* чуждых друг другу форм мысли и природного; так как формообразование приобрело форму обладающей самосознанием деятельности, то мастер стал духовным работником.

Если мы зададимся вопросом, каков тот *действительный* дух, который в художественной религии обладает сознанием своей абсолютной сущности, то окажется, что это – дух *нравственный* или *истинный*. Он – не только всеобщая субстанция всего единичного, но так как эта субстанция для действительного сознания имеет форму сознания, то это значит только, что она, будучи индивидуализирована, становится им известна в качестве их собственной сущности и произведения. Таким образом она не есть для них ни светлое существо, в единстве которого для-себя-бытие самосознания содержится только негативно, только преходящим образом и созерцает господина своей действительности, ни неус-

танное взаимное уничтожение ненавидящих друг друга народов, ни подчинение их кастам, в совокупности создающим видимость организации завершеного целого, которому, однако, недостает всеобщей свободы индивидов. Этот дух есть свободный народ, в котором правы составляют субстанцию всех, действительность и наличное бытие которой знают все и каждое отдельное лицо как свою волю и свое действие.

Но религия нравственного духа есть его возвышение над его действительностью, возвращение из *своей истины* в чистое знание *себя самого*. Так как нравственный народ живет в непосредственном единстве со своей субстанцией и у него нет принципа чистой единичности самосознания, то его религия выступает в своем завершении, лишь *отделяясь* от его *устойчивого существования*. Ибо *действительность* нравственной субстанции покоится, с одной стороны, на ее спокойной *неизменности* по отношению к абсолютному движению самосознания и, стало быть, на том, что это последнее еще не ушло в себя из своих спокойных нравов и своего прочного доверия, а с другой стороны, на его организации в некоторую множественность прав и обязанностей, равно как и в разделение на сословные массы и их частные действия, способствующие [развитию] целого, – на том, стало быть, что отдельное лицо удовлетворено ограничением своего наличного бытия и еще не постигло беспрелестной мысли о своей свободной самости. Но указанное спокойное *непосредственное* доверие к субстанции переходит обратно в доверие *к себе* и в *достоверность себя самого*, а множественность прав и обязанностей, равно как и ограниченное действие, есть то же диалектическое движение нравственного как множественность вещей и их определений, – движение, которое находит себе покой и устойчивость лишь в простоте достоверно знающего себя духа. – Завершение нравственности в свободном самосознании и судьба нравственного мира есть поэтому ушедшая в себя индивидуальность, абсолютное легкомыслие нравственного духа, который растворил в себе все прочные различия своего устойчивого существования и массы своего органического расчленения и, вполне уверенный в себе, достиг безграничной радости и свободнейшего наслаждения самим собою. Эта простая достоверность духа внутри себя имеет двоякий смысл: она есть покоящаяся устойчивость и прочная истина, равно как и абсолютный непокой и потеря нравственности. Но эта достоверность обращается в потерю, ибо истина нравственного духа есть еще лишь эта субстанциальная сущность и доверие, в котором самость не знает себя в качестве свободной единичности и которое поэтому гибнет в этой внутренней сущности или в освобождении самости. Так как, следовательно, доверие подорвано и субстанция народа внутри себя надломлена, то дух, который был средним термином непостоянных крайних терминов, ушел теперь в крайность самосознания, постигающего себя как сущность. Это самосознание есть достоверный внутри себя дух, который скорбит о потере своего мира и который свою сущность, вознесенную над действительностью, порождает теперь из чистоты самости.

В такую эпоху возникает абсолютное искусство; на более ранней стадии оно – инстинктивная работа, которая, будучи погружена в наличное бытие, выходит из него и уходит в глубь его, не имеет своей субстанции в свободной нравственности, и поэтому в качестве работающей *самости* не имеет свободной духовной деятельности. Позже дух выходит за пределы искусства, чтобы достигнуть своего более высокого выражения, а именно, не только быть *субстанцией*, рожденной из самости, но и быть в своем проявлении предметом “этой” *самости*, не только родить себя из своего понятия, но и в формообразовании иметь само понятие свое так, чтобы понятие и созданное произведение искусства знали друг друга как одно и то же.

Так как, стало быть, нравственная субстанция из своего наличного бытия вернулась в свое чистое самосознание, то последнее есть сторона понятия или *деятельности*, которую дух порождает себя как предмет. Она есть чистая форма, потому что отдельное лицо в нравственном послушании и в служении так обработало для себя всякое бессознательное наличное бытие и устойчивое определение, что сама субстанция стала этой текучей сущностью. Эта форма есть ночной мрак, в котором субстанция была обнаружена и сделалась субъектом¹⁷⁶, именно из этого ночного мрака чистой достоверности себя самого воскресает нравственный дух как форма, освобожденная от природы и своего непосредственного наличного бытия.

Существование чистого понятия, в которое удалился дух, покинув свое тело, есть некоторый индивид, которого дух выбирает себе сосудом своей скорби. Дух присущ этому индивиду как его всеобщее и его мощь, со стороны которой индивид подвергается насилию, – как его пафос, отдавшись которому самосознание индивида теряет свободу. Но эта положительная сила всеобщности преодолевается чистой самостью индивида как негативной мощи. Эта чистая деятельность, сознающая свою неотъемлемую силу, борется с неоформленной сущностью; овладевая ею, эта деятельность сделала пафос своим материалом и сообщила себе свое содержание, и это единство появляется как произведение, всеобщий дух индивидуализирован и представлен.

а. Абстрактное произведение искусства

Первое произведение искусства, будучи непосредственным, есть произведение абстрактное и единичное. С своей стороны, оно должно двигаться из непосредственного и предметного модуса навстречу самосознанию, как, с другой стороны, это последнее для себя стремится в культе снять различие, которое оно вначале сообщает себе по отношению к своему духу, и тем самым создать произведение искусства, коему самому присуща жизненность.

[1. И з о б р а ж е н и е б о ж е с т в а .] – Первый способ, каким художественный дух в наибольшей мере отделяет друг от друга свою форму и свое деятельное сознание, есть непосредственный способ, при

котором указанная форма имеется *налицо* как *вещь* вообще. – Он распадается в себе на различие единичности, которой присуща форма самости, и всеобщности, которая выражает неорганическую сущность в отношении формы как ее среда и обиталище. Благодаря возведению целого в чистое понятие эта форма приобретает свою чистую, свойственную духу форму. Она не есть ни тот рассудочный кристалл, в котором обитает мертвое или который озаряется внешней душой, ни то возникающее сначала из растения смешение форм природы и мысли, деятельности которой здесь есть еще некоторое *подражание*. Нет, понятие срыгает те остатки корня, ветвей и листьев, которые пристают еще к формам, и очищает их до изображений, в которых прямолинейность и плоскость кристалла возведены до несоизмеримых отношений, так что одушевление органического поднимается в абстрактную форму рассудка и в то же время для рассудка сохраняется их сущность, т.е. несоизмеримость.

Но обитающий бог есть извлеченный из домовища животного черный камень, который пронизан светом сознания. Человеческий образ стирает животное начало, с которым он был смешан; животное для божества – только случайная маскировка; оно выступает рядом с его истинным обликом и не имеет больше значимости для себя, а низведено до значения некоторого “инога”, до простого знака. Облик божества именно благодаря этому стирает в самом себе даже надобность в природных условиях животного наличного бытия и дает понять, что внутренний порядок органической жизни расплавился в поверхность его и свойствен только этой последней. – Но *сущность* божества есть единство всеобщего наличного бытия природы и обладающего самосознанием духа, который появляется в своей действительности, противостоя этому бытию. В то же время, будучи сначала некоторым *единичным* формообразованием, его наличное бытие есть одна из стихий природы, подобно тому как его обладающая самосознанием действительность есть единичный дух народа. Но в этом единстве указанное бытие есть стихия, рефлексированная в дух, – природа, проясненная мыслью, соединенная с жизнью, обладающей самосознанием. Образ богов поэтому имеет в себе природную стихию в снятом виде, в виде некоего смутного воспоминания. Пустая сущность и хаотическая борьба свободного наличного бытия стихий, безнравственное царство титанов, побеждены и отброшены на край прояснившейся действительности, к темным граням обретающегося в духе и успокоенного мира. Эти древние божества, на которые сначала разделилось светлое существо, сочетаясь с тьмою, – небо, земля, океан, солнце, слепой, буйный огонь земли и т.д., заменены образами, которые сами по себе суть лишь отголосок, смутно напоминающий о названных титанах, и которые уже не природные существа, а светлые нравственные духи народов, обладающих самосознанием.

Это простое формообразование, таким образом, уничтожило в себе и объединило в спокойную индивидуальность непокой бесконечного разъединения – разъединения как в качестве природной стихии, которая необходима лишь как всеобщая сущность, а в своем наличном бы-

тии и движении – случайна, так и в качестве народа, который, будучи рассеян на обособленные массы действований и на индивидуальные точки самосознания, обладает наличным бытием многообразных чувств и действий. Этому формообразованию, таким образом, противостоит момент не-покоя, – ему, *сущности*, противостоит *самосознание*, для которого, как месторождения этого формообразования, остается только одно – быть *чистой деятельностью*. То, что принадлежит субстанции, художник целиком сообщил своему произведению, себе же самому как определенной индивидуальности он в своем произведении не придал никакой действительности; он мог завершить его только благодаря тому, что он отрекся от своей особенности, освободился от телесности и поднялся до абстракции чистого действований. – В этом первом непосредственном творческом произведении разъединение произведения и обладающей самосознанием деятельности художника еще не воссоединено; произведение поэтому не есть для себя действительно одушевленное произведение, а оно есть *целое* только вместе со своим *становлением*. Общее (*das Gemeine*) в художественном произведении – то, что оно рождено в сознании и сделано руками человека, – есть момент понятия существующего как понятие, которое противостоит произведению. И если это понятие как художник или зритель достаточно бескорыстно, чтобы заявить, что одушевление художественному произведению присуще абсолютно, и чтобы забыть себя, действующего или созерцающего, то вопреки этому следует придерживаться такого понятия духа, которое не может обойтись без момента сознания себя самого. Но этот момент противостоит произведению, потому что дух в этом своем первом раздвоении сообщает обеим сторонам их абстрактные по отношению друг к другу определения *действований* и *вещности*, и их возвращение в единство, из которого они исходили, еще не осуществлено.

Таким образом, художник узнает на опыте по своему произведению, что он не создал равную *себе* сущность. Правда, от этого произведения до него обратно доходит сознание, что удивленная толпа почитает это произведение как дух, составляющий ее сущность. Но это одушевление, поскольку толпа отвечает художнику на его самосознание только удивлением, есть скорее [со стороны этого одушевления] признание художнику в том, что оно ему не равно. Так как это самосознание обратно доходит до художника в виде радости вообще, то он не находит здесь мук своего образования и творчества, не находит напряжения своего труда. Как бы толпа ни оценивала произведение или какого бы рода жертвы ему ни приносила, сколько бы она ни вкладывала в него свое сознание, – если она со своей компетентностью ставит себя выше произведения, то художник знает, насколько его *дело* больше ее понимания и речей; если она ставит себя *ниже* его и узнает в нем свою господствующую над ними сущность, то он знает, что он – творец этой сущности.

[2. Г и м н .] – Художественное произведение поэтому требует иной стихии своего наличного бытия, божество – иного происхождения, чем то, в котором оно ниспадает из глубины своего творческого ночного

мрака в противоположное ему, во внешнюю выраженность, в определенное *вещи*, лишенной самосознания. Этой более высокой стихией является *язык*, – наличное бытие, которое есть непосредственно обладающее самосознанием существование. Как *единичное* самосознание обладает наличным бытием в языке, точно так же оно непосредственно наличествует как *всеобщее* заражение; совершенное обособление для-себя-бытия есть в то же время текучесть и всем сообщаемое единство многих самостей; язык есть душа, существующая как душа. Таким образом, божество, которое имеет язык стихией своего формообразования, есть в самом себе одушевленное произведение искусства, заключающее непосредственно в своем наличном бытии чистую деятельность, которая противостояла ему, существовавшему в качестве вещи. Другими словами, самосознание в опредмечивании своей сущности остается непосредственно у себя. Будучи таким образом в своей сущности у себя, оно есть *чистое мышление* или благоговение, *внутренняя* сущность которого имеет в то же время *наличное бытие* в гимне. Гимн сохраняет внутри себя единичность самосознания, и в то же время это единичность, внимаемая, наличествует как всеобщая; благоговение, воспламенившееся во всех, есть духовный поток, который в многообразии самосознания сознает себя как равное *действие* всех и как *простое бытие*; дух как это всеобщее самосознание всех имеет свою чистую внутреннюю сущность точно так же в качестве бытия для других и в качестве для-себя-бытия отдельных лиц в одном единстве.

Этот язык отличается от другого языка – языка божества, который не есть язык всеобщего самосознания. *Оракул* божества и художественной религии и предшествовавших религий есть необходимый первый язык божества; ибо в понятии божества содержится, что оно есть сущность как природы, так и духа, и поэтому обладает не только природным, но и духовным наличным бытием. Поскольку этот момент содержится лишь в *его понятии* и еще не реализован в религии, этот язык для религиозного самосознания есть язык некоторого *чуждого* самосознания. Самосознание еще чуждое своей общине, не обладает еще *наличным бытием* так, как того требует его понятие. Самость есть простое и тем самым лишь *всеобщее* для-себя-бытие; указанное же самосознание, которое отделено от самосознания общины, есть только лишь *единичное* самосознание. – Содержание этого собственного и единичного языка вытекает из всеобщей определенности, в которой абсолютный дух вообще установлен в своей религии. – Всеобщий дух восхода, еще не обособивший своего наличного бытия, провозглашает, следовательно, столь же простые и всеобщие положения о сущности, субстанциальное содержание которых возвышено в своей простой истине, но вследствие этой всеобщности оно в то же время кажется тривиальным продолжающему развиваться самосознанию.

Далее развиваемая самость, которая поднимается до *для-себя-бытия*, владеет чистым пафосом субстанции, предметностью восходящего светлого существа и знает указанную простоту истины как *то, что есть*

в себе, что не имеет формы случайного наличного бытия посредством чуждого языка, а знает как несомненный и неписанный закон богов, который живет вечно и о котором никто не знает, откуда он явился. – В то время как всеобщая истина, которая была дана светлым существом как откровение, отступила здесь вовнутрь или в глубину и тем самым избежала формы случайного явления, в художественной религии, напротив, так как образ божества принял сознание и тем самым единичность вообще, – собственный язык божества, которое есть дух нравственного народа, – это оракул, знающий частные дела народа и возвещающий о них то, что может пригодиться. Но на общие истины, так как они становятся известными как *в-себе-сущее*, притязает *знающее мышление*, и их язык для него уже не чуждый язык, а свой. Подобно тому как известный мудрец древности искал в своем собственном мышлении, что такое благо и красота, и наоборот, дурное, случайное содержание знания, как-то: следует ли ему общаться с тем или иным человеком, следует ли его знакомому предпринять данную поездку и прочие маловажные вещи, предоставлял знать демону¹⁷⁷, точно так же всеобщее сознание получает знание о случайном от птиц или от деревьев или от клокочущих недр земли, испарения которой отнимают у самосознания его рассудительность; ибо случайное есть нечто безрассудное и чуждое, и нравственное сознание, следовательно, слушается советов относительно случайного так, как бывает при игре в кости, – безрассудным и чуждым ему образом. Когда отдельное лицо руководствуется своим рассудком и обдуманно выбирает то, что было бы полезно ему, то в основе этого самоопределения лежит определенность особого характера; она сама есть нечто случайное, и это знание, полученное рассудком, о том, что полезно отдельному лицу, есть поэтому такое же знание, как знание упомянутых оракулов или знание, полученное при бросании жребия, с той только разницей, что тот, кто вопрошает оракул или бросает жребий, этим выражает нравственное убеждение, заключающее в себе безразличное отношение к случайному, тогда как знание, полученное рассудком, напротив, трактует случайное в себе как существенный интерес своего мышления и знания. Знание, высшее, чем то и другое знание, заключается в том, чтобы сделать оракулом случайного действия обдуманное решение, но все же знать, что сам этот обдуманный поступок есть нечто случайное со стороны его отношения к особенному и его полезности.

Истинное обладающее самосознанием наличное бытие, обретаемое духом в языке, который не есть язык чуждого и, следовательно, случайного, т.е. не всеобщего самосознания, есть, как мы уже видели, художественное произведение. Оно противостоит вещиности статуи; в то время как последняя есть покоящаяся, оно – исчезающее наличное бытие; в то время как в художественном произведении освобожденная предметность не имеет собственной непосредственной самости, в статуе, напротив, предметность остается слишком замкнутой в самости, находит слишком мало выражения во внешней форме и, подобно времени, непосредственно уже не находится там, будучи в то же время там.

[3. К у л ь т .] – Движение обеих сторон, в котором форма божества; *движущаяся* в чистой ощущающей стихии самосознания, и форма божества, покоящаяся в стихии вещиности, взаимно отказываются от своих разных определений, а единство, которое есть понятие их сущности, достигает наличного бытия, – это движение составляет *культ*. В культе самость сообщает себе сознание нисхождения к ней божественной сущности из ее потусторонности, а эта сущность, которая сначала есть нечто недействительное и лишь предметное, обретает тем самым подлинную действительность самосознания.

Это понятие культа уже в себе содержится и наличествует в потоке песнопенья гимнов. Это благоговение есть непосредственное чистое удовлетворение самости благодаря себе самой и внутри себя самой. Она есть очищенная душа, которая в этой чистоте непосредственно есть только сущность и составляет одно с сущностью. В силу своей абстракции эта душа не есть сознание, отличающее от себя свой предмет, и, следовательно, она есть только ночной мрак наличного бытия предмета и уготованное *место* для его формы. *Абстрактный культ* поэтому возвышает самость до того, что она есть эта чистая *божественная стихия*. Душа совершает это очищение сознательно; тем не менее она еще не есть та самость, которая, сойдя в свои глубины, знает себя как зло; она есть нечто *сущее*, душа, которая очищает свою внешность омовением, облачает ее в белые одежды, а свою внутреннюю суть ведет по вообразаемому пути трудов, наказаний и вознаграждений, по пути образования вообще, отрешающегося от особенностей, – по пути, которым она достигает обители и лона блаженства.

Этот культ есть лишь некоторое *тайное*, т.е. лишь вообразаемое недействительное исполнение; он должен быть *действительным* действием; недействительное действие противоречит себе самому. *Сознание в собственном смысле* возвышается благодаря этому в свое чистое самосознание. Сущность имеет в нем значение свободного предмета; благодаря действительному культу последний возвращается в самость, – и поскольку он в чистом сознании имеет значение чистой сущности, живущей по ту сторону действительности, эта сущность через это опосредствование нисходит из своей всеобщности к единичности и смыкается таким образом с действительностью.

Как обе стороны вступают в действие, это определяется тем, что для стороны, обладающей самосознанием, поскольку она есть *действительное* сознание, сущность проявляется как *действительная природа*; с одной стороны, природа принадлежит этому сознанию как владение и собственность и считается наличным бытием, сущим не *в себе*; с другой стороны, она есть его *собственная* непосредственная действительность и единичность, которая рассматривается и снимается им равным образом как не-сущность. Но в то же время эта внешняя природа имеет для его *чистого* сознания *противоположное* значение, а именно – она есть *сущая в себе* сущность, для которой самость жертвует своей несущественностью, как и обратно, себе самой приносит в жертву несущест-

ственную сторону природы. Действие в силу этого есть духовное движение, потому что оно есть двусторонность: оно снимает абстракцию *сущности* в том виде, в каком благоговение определяет предмет, – и превращает сущность в то, что действительно, а это *действительное* – в том виде, в каком действующее определяет предмет и себя, – оно снимает и возводит во всеобщность.

Действие самого культа начинается поэтому с чистого пожертвования некоторого имущества, которое собственник его, по-видимому, без всякой для себя пользы проливает или воскуривает. Таким образом, перед сущностью своего сознания он отказывается от обладания и права собственности и потребления ее, от личности и возвращения действия в самость, и он рефлектирует действие скорее во всеобщее или в сущность, чем в себя. – Но, наоборот, при этом точно так же гибнет и *сущая сущность*. Животное, которое приносится в жертву, есть *знамение* божества; плоды, которые потребляются, суть *сами живые* Церера и Вакх; в животном умирают силы высшего права, которое имеет кровь и действительную жизнь, а в плодах – силы низшего права, которое бескровно обладает тайной лукавой властью. – Жертвование божественной субстанцией свойственно, поскольку оно есть *действование*, стороне, обладающей самосознанием; чтобы это действительное действие было возможно, сущность уже *в себе* должна была пожертвовать самой собою. Она достигла этого тем, что сообщила себе *наличное бытие* и сделала себя *единичным животным и плодом*. Этот отказ, который, следовательно, сущность совершает уже *в себе*, выражает действующую самость в наличном бытии и для ее сознания и заменяет указанную *непосредственную* действительность сущности более высокой действительностью, а именно действительностью *себя самой*. Ибо возникшее единство, результат снятой единичности и разъединения обеих сторон, не есть только негативная судьба, а имеет положительное значение. Только абстрактной сущности подземного мира целиком отдается то, что ей приносится в жертву, и тем обозначается рефлексия обладания и для-себя-бытия во всеобщее, отличная от самости как таковой. Но в то же время это – только незначительная *часть*, а другое жертвование есть лишь разрушение непригодного к употреблению и, напротив, приготовление приносимого в жертву для пиршества, вкушение которого обманным способом лишает действие его негативного значения. Приносящий жертву в случае первой жертвы удерживает большую часть, а от второй – пригодное для *своего потребления*. Это потребление есть негативная сила, которая снимает *сущность* точно так же, как и *единичность*; и вместе с тем оно есть положительная действительность, в которой *предметное* наличное бытие сущности превращено в *обладающее самосознанием* наличное бытие и самость имеет сознание своего единства с сущностью.

Хотя, впрочем, этот культ и есть некоторое действительное действие, тем не менее значение последнего в большей мере заключается лишь в благоговении; то, что принадлежит благоговению, не создается

как нечто предметное, равно как и результат в *потреблении* лишает себя самого своего наличного бытия. Культ поэтому идет дальше и возмещает этот недостаток прежде всего тем, что сообщает своему благоговению *предметную устойчивость*, будучи общей или единичной, для каждого выполнимой работой, которая создает в честь божества жилище и украшения. – Этим, с одной стороны, снимается предметность статуи, ибо этим посвящением своих даров и труда работающий снискивает себе благосклонность божества и созерцает свою самость как принадлежащую божеству; с другой же стороны, это действие есть не единичная работа художника; наоборот, эта особенность растворена во всеобщности. Так, однако, не только оказана почесть божеству, и благодать его благоволения снисходит на работающего не только в *представлении*, но труд имеет и обратное значение по отношению к первому значению – отрешения и почитания чужого. Человек пользуется жилищами и храмами божества; сокровища, которые сохраняются в них, в случае нужды суть его сокровища; почести, которыми божество услаждается в своем убранстве, суть почести, оказываемые народом, художественно одаренным и великодушным. Во время празднеств этот народ украшает точно так же и свои собственные жилища и одежды, как и свои церемонии, парадным убранством. Так он за свои дары получает воздаяние от благодарного божества и доказательства его благоволения, в котором он связал себя с божеством посредством труда, не в надежде и не в будущей действительности, а оказывая почести и принося дары, он непосредственно наслаждается своим собственным богатством и убранством.

в. Живое произведение искусства

Народ, в культе художественной религии приближающийся к своему богу, есть нравственный народ, который знает свое государство и действия его как собственную волю и свое собственное осуществление. Этот дух, противостоя народу, обладающему самосознанием, не есть поэтому то светлое существо, которое, будучи лишено самости, не содержит в себе достоверности отдельных лиц, а есть, напротив, лишь их всеобщая сущность и повелительная сила, в которой они исчезают. Религиозный культ этой простой бесформенной сущности в общем воздает своим приверженцам поэтому лишь тем, что они – народ своего бога; он добывает для них только их существование и простую субстанцию вообще, но не их действительную самость, которая, напротив, отвержена. Ибо они почитают своего бога как пустую глубину, а не как дух. Культ же художественной религии, с другой стороны, не имеет указанной абстрактной *простоты* сущности и, следовательно, *глубины* ее. Но *сущность*, которая *непосредственно соединена с самостью*, в себе есть дух и *знающая истина*, хотя ее еще не знают или она не знает себя самое в своей глубине. Так как сущность, стало быть, заключает здесь в себе самость, то ее явление благожелательно сознанию, и последнее получает в культе не только всеобщее оправдание своего существова-

ния, но и свое внутри себя обладающее самосознанием наличное бытие; точно так же как и наоборот, сущность имеет свою лишенную самости действительность не в отверженном народе, лишь субстанции которого признается, а в народе, *самость* которого признана в его субстанции.

Из культа, таким образом, выступает в своей сущности удовлетворенное самосознание, и божество проникает в это самосознание как в свое местопребывание. Это *местопребывание* есть для себя ночной мрак субстанции или ее чистая индивидуальность, но уже не полная напряжения индивидуальность художника, еще не примирившаяся с своей сущностью, которая *опредмечивается*, а удовлетворенный ночной мрак, которому присуща полнота его пафоса, потому что он возвращается из созерцания, из снятой предметности. – Этот *пафос* есть для себя сущность *восхода*, которая, однако, теперь *закатилась* внутри себя, и в самой себе заключает свой закат, самосознание, и тем самым – наличное бытие и действительность. – Она совершила здесь движение своего претворения в действительность. Нисходя из своей чистой сущности к предметной силе природы и ее внешним проявлениям, она есть некоторое наличное бытие для другого, для самости, которая поглощает ее. Мирная (*stille*) сущность лишенной самости природы в своих плодах достигает ступени, на которой природа, готова и переварив себя самое, предстает перед самостной жизнью; в полезности, т.е. в возможности утолить собою голод и жажду, она достигает своего высшего совершенства, ибо в этом – возможность для нее более возвышенного существования, и тут она приходит в соприкосновение с духовным наличным бытием; – превращаясь, с одной стороны, в умиротворяющую (*stilkkräftig*) субстанцию, а с другой стороны, в духовное брожение, земной дух развился в своей метаморфозе, в первом случае в женское начало питания, а во втором – в мужское начало побуждающей себя силы личного бытия, обладающего самосознанием.

В этом потреблении, таким образом, обнаруживается, что представляет собой восходящее светлое существо; потребление есть мистерия его. Ибо мистическое не есть скрывание тайны или неведение, а оно состоит в том, что самость знает себя *единой* с сущностью и эта последняя, стало быть, сделалась открытой. Только самость для себя открыта, или то, что открыто, открыто только в непосредственной достоверности себя. Но в этой последней благодаря культу была установлена простая сущность; как потребляемая вещь она обладает не только наличным бытием, которое можно видеть, осязать, обонять, пробовать на вкус, но она есть также предмет вождения и благодаря действительно потреблению делается единой с самостью, и тем самым полностью обнаруживается в ней и становится для нее открытой. – То, о чем говорится, что оно явно разуму, сердцу, то на деле еще тайно, ибо ему не хватает еще действительной достоверности непосредственного наличного бытия, достоверности как предметной, так и потребляющей, которая в религии, однако, есть не только бессмысленная непосредственная достоверность, но в то же время и вполне знающая достоверность самости.

То, что таким образом благодаря культу стало открытым для обладающего самосознанием духа в нем самом, есть *простая* сущность как движение, состоящее в том, что, с одной стороны, она выходит из своей ночной скрытости и поднимается до сознания, чтобы быть его мирно питающей субстанцией, а с другой стороны, она точно так же снова теряется в подземном ночном мраке, в самости, и пребывает наверху лишь в тихой материнской тоске. – Чистое же побуждение есть многоименное светлое существо восхода и его упоительная жизнь, которая, точно так же покинув свое абстрактное бытие, сперва нашла себя в предметном наличном бытии плода, затем, отдаваясь самосознанию, достигает в нем подлинной действительности, – теперь блуждает в виде толпы экзальтированных женщин и есть необузданное упоение природы в облике, обладающем самосознанием.

Но сознанию пока еще обнаружился лишь абсолютный дух, который есть эта простая сущность, а не дух как дух в самом себе, т.е. лишь *непосредственный* дух, дух природы. Его обладающая самосознанием жизнь есть поэтому лишь мистерия хлеба и вина, Цереры и Вакха, а не других, в собственном смысле высших божеств, индивидуальность которых включает в себя в качестве существенного момента самосознание как таковое. Следовательно, дух как дух, *обладающий самосознанием*, еще не пожертвовал собою сознанию, и мистерия хлеба и вина еще не есть мистерия плоти и крови.

Это необузданное упоение божества должно найти успокоение, став *предметом*, и вдохновение, которое не достигло сознания, должно создать произведение, которое противостоит этому вдохновению, – подобно тому как прежде вдохновению художника противостояла статуя, – противостоит хотя и в качестве столь же совершенного произведения, но не как безжизненная в нем самость, а как самость *живая*. – Такой культ есть празднество, которое человек устраивает в свою собственную честь, хотя в такой культ он еще не вкладывает значения абсолютной сущности. Ибо ему открыта лишь *сущность*, еще не дух – сущность не как таковая, которая *по существу* принимает человеческий облик. Но это культ закладывает основу для этого откровения и порознь разбирает его моменты. Таков здесь *абстрактный момент* живой *телесности сущности*, как прежде единство обоих в бессознательной экзальтированности. Человек, таким образом, ставит себя самого на место статуи как форма, воспитанная и развитая для совершенно свободного *движения*, подобно этому как статуя есть совершенно свободный *покой*. Если каждый индивид умеет проявить себя хотя бы факелоносцем, то выдвигается один из них, который есть оформленное движение, гармоничное развитие и пластическая сила всех членов, – одушевленное живое художественное произведение, которое сочетает со своей красотой силу и которому как награда за его силу достается украшение, коим чтилась статуя, и честь занять среди своего народа место каменного божества в качестве высшего телесного изображения сущности статуи.

В обоих изображениях, о которых только что упомянуто, налицо единство самосознания и духовной сущности; но им еще не достает их равновесия. В вакхическом вдохновении самость – вне себя, в прекрасной же телесности она – духовная сущность. Вакхическая притупленность сознания и дикий ее лепет должны быть восприняты в ясное наличное бытие телесности, а лишенная духа ясность последней должна проникнуть в глубину вакхического вдохновения. Совершенная стихия, в которой внутреннее так же внешне, как внешнее внутренне, есть опять-таки язык, но не язык оракула, совершенно случайный и единичный в своем содержании, не чувствительный и восхваляющий лишь отдельное божество гимн и не бессодержательный лепет вакхического неистовства. Нет, язык приобрел свое ясное и всеобщее содержание – свое *ясное* содержание, ибо художник выбрался из первого целиком субстанциального вдохновения и достиг формы, которая есть его собственное, во всех его порывах проникнутое душой, обладающей самосознанием, и вместе с ним живущее наличное бытие; – свое *всеобщее* содержание, ибо в этом празднестве, которое есть честь человека, исчезает односторонность статуй, содержащих лишь национальный дух, определенный характер божественности. Хотя прекрасный воин составляет честь своего особого народа, но он есть некоторая телесная единичность, в которой пропала обстоятельность и серьезность значения и внутренний характер духа, выступающего в качестве носителя особой жизни, стремлений, потребностей и нравов своего народа. В этом овнешнении до полной телесности дух отбросил отдельные впечатления и отголоски природы, заключающиеся в нем как в действительном духе народа. Его народ поэтому более не сознает в нем своей особенности, а, напротив, сознает отказ от нее и всеобщность своего человеческого наличного бытия.

с. Духовное произведение искусства

Народные духи, осознающие форму своей сущности в каком-либо особом животном, сходятся в один дух; так соединяются отдельные прекрасные народные духи в один пантеон, стихия и обитель которого – язык. Чистое созерцание себя самого как *всеобщей человечности* имеет в действительности народного духа форму, состоящую в том, что он связывает себя с другими духами, с которыми он по природе составляет одну нацию, для некоторого совместного начинания и для этого произведения образует один общий народ и тем самым одно общее небо. Эта всеобщность, которой дух достигает в своем наличном бытии, есть, однако, лишь та первая всеобщность, которая только исходит из индивидуальности нравственного, еще не преодолела своей непосредственности, не образовала одного государства из этих народностей. Нравственность действительного народного духа покоится, с одной стороны, на непосредственном доверии отдельных лиц к своему народу в целом, с другой стороны, на непосредственном участии, которое все, несмотря

на различие сословий, принимают в решениях и действиях правительства. В объединении, которое прежде всего имеет целью не устойчивый порядок, а совместное действие, эта свобода участия всех и каждого *временно* теряет значение. Эта первая общность есть поэтому в большей мере собрание индивидуальностей, чем господство абстрактной мысли, которая отнимала бы у отдельных лиц их проникнутое самосознанием участие в воле и действии целого.

[1. Эпос. – (α) *Его нравственный мир.*] – Собрание народных духов составляет некоторый круг форм, который теперь охватывает всю природу, как и весь нравственный мир. И они подчиняются в большей мере *верховному повелению* одного, чем его *верховой власти*. Для себя они суть всеобщие субстанции того, что есть *в себе* и что проявляет в действии сущность, *обладающая самосознанием*. Но эта сущность составляет силу и прежде всего по меньшей мере центр, к которому устремляются указанные всеобщие сущности и который, по-видимому, лишь случайно связывает их дела. Но возвращение божественной сущности в самосознание уже содержит основание, в силу которого это самосознание образует центр для упомянутых божественных сил и скрывает существенное единство прежде всего под формой дружественного внешнего отношения обоих миров.

Та же самая всеобщность, которая свойственна этому содержанию, необходимо имеет также форму сознания, в которой это содержание выступает. Это уже не есть действительная деятельность культа, а есть деятельность, которая, правда, еще не возвысилась в понятие, а лишь в *представление*, в синтетическую связь обладающего самосознанием и внешнего наличного бытия. Наличное бытие этого представления, *язык*, есть первый язык, *эпос* как таковой, в котором заключается всеобщее содержание, по крайней мере как *полнота* мира, хотя и не как *всеобщность мысли*. *Певец* есть единичное и действительное лицо, из которого как субъекта этого мира мир этот рождается и в котором он вынашивается. Его пафос не есть оглушающая сила природы, а Мнемозина, память и открывшаяся внутренняя суть (*Innerlichkeit*), воспоминание (*Erinnerung*)* о прежде непосредственной сущности. Он – исчезающий в своем содержании орган; значение имеет не его собственная самость, а его муза, его всеобщая песнь. Но что фактически имеется налицо, так это заключение, в котором крайний термин – всеобщность, мир богов, через средний термин – особенное – связан с единичностью, с певцом. Средний термин – это народ в своих героях, которые, подобно певцу, суть единичные люди, но лишь *представленные* и в силу этого в то же время *всеобщие*, подобно свободному крайнему термину – всеобщности, [т.е.] богам.

* То есть *Er-Innerung* – как бы *изнедрение*, – этимологическая игра, основанная на значении приставки *er* (также *ur*, напр., *Ur-teil*), которая в др.-в.-нем. функционировала в качестве самостоятельного предлога (в форме *er*, *ar*, *ir*) со значением: “наружу из, вон из” (“из глубины в высь”). – *Примеч. пер.*

[(β) *Люди и боги.*] – В этом эпосе, следовательно, вообще сознанию представляется то, что в культе осуществляется *в себе*, отношение божественного и человеческого. Содержание есть *действие* сущности, сознающей себя самое. *Совершение действий* нарушает покой субстанции и приводит в возбуждение сущность, благодаря чему ее простота делится и раскрывается в многообразный мир природных и нравственных сил. Поступок есть насилие над покоящейся землей – могила, которая, будучи одушевлена кровью, вызывает отошедших духов, жаждущих жизни и получающих ее в действовании самосознания. Дело, на которое направлены общие усилия, должно осуществить две стороны: сторону *самостную* – совокупностью действительных народов и индивидуальностей, стоящих во главе их, и сторону всеобщую – их субстанциальными силами. Но *отношение* их прежде определялось в том смысле, что оно есть *синтетическая* связь всеобщего и единичного, или процесс *представления*. От этой определенности зависит оценка этого мира. – Отношение обеих сторон вследствие этого есть некое смешение, которое непоследовательно распределяет единство действования и без нужды перебрасывает действие с одной стороны на другую. Всеобщим силам присуща форма индивидуальности и тем самым принцип совершения действий; их деятельность является поэтому столь же свободным, полностью от них исходящим действованием, как и действия людей. Поэтому как боги, так и люди совершали одно и то же. Серьезность указанных сил – смешанная излишность, так как они на деле суть сила совершающей поступки индивидуальности; а напряжение и труд людей – столь же тщетные усилия, так как, напротив, все направляется теми силами. – Сверхдеятельные смертные, которые суть ничто, суть в то же время могучая *самость*, которая подчиняет себе всеобщие сущности, оскорбляет богов и сообщает им вообще действительность и интерес действования; как и наоборот, эти бессильные всеобщности, которые питаются дарами людей и лишь благодаря им получают возможность действовать, составляют природную сущность и материал всего происходящего, а равным образом и нравственную материю и пафос действования. Если их стихийные натуры вводятся в действительность и в действительное отношение лишь свободной самостью индивидуальности, то в такой же мере они составляют всеобщее, которое уклоняется от этой связи, остается неограниченным в своем определении и в силу непреодолимой эластичности своего единства стирает точечность того, кто совершает действие, и его расчеты, полностью сохраняет себя само и растворяет все индивидуальное в своей текучести.

[γ. *Боги между собою.*] – Подобно тому как боги впадают в это противоречивое отношение с противостоящей им самостной природой, точно так же их всеобщность оказывается в конфликте с их собственным определением и его отношением к другим. Они – вечные прекрасные индивиды, которые, покоясь в своем собственном наличном бытии, свободны от тленности и чужого насилия. – Но в то же время они суть *определенные стихии, особенные боги*, которые, стало быть, вступают

в отношения с другими. Но отношение к другим, которое по своему противоположению есть ссора с ними, есть комическое самозабвение ими своей вечной природы. – Определенность укоренилась в божественное существование и в своем ограничении обладает самостоятельностью цельной индивидуальности; благодаря последней их характеры теряют в то же время остроту отличительности и смешиваются в ее многозначности. – Цель деятельности и сама их деятельность, поскольку она направлена против чего-то другого и тем самым против непобедимой божественной силы, есть случайное пустое чванство, которое точно так же расплывается и видимую серьезность поступка превращает в безопасную, уверенную в себе игру, безрезультатную и безуспешную. Но если в природе их божественности негативное или определенность этой природы является лишь непоследовательностью их деятельности и противоречием цели и результата, а указанная самостоятельная уверенность в себе перевешивает то, что определено, то именно в силу этого им противостоит *чистая сила негативного*, и притом как их последняя мощь, перед которой они бессильны. Они суть всеобщее и положительное по отношению к *единичной самости* смертных, которая не может устоять против их мощи; всеобщая же *самость* носится поэтому над ними и над всем этим миром представления, которому принадлежит все содержание; носится как *не достигнутая в понятии пустота необходимости*, – обстоятельство, к которому они относятся, как лишенные самости и скорбя, ибо эти *определенные* натуры не находят себя в этой чистоте.

Но эта необходимость есть то единство понятия, которому подчинена противоречивая субстанциальность отдельных моментов, единство, в котором упорядочивается непоследовательность и случайность их действия, а игра их поступков в самих этих поступках приобретает свою серьезность и ценность. Содержание мира представлений непременно для себя разыгрывает свое движение в *центре*, сосредоточиваясь около индивидуальности героя, который, однако, в своей силе и красоте чувствует, что его жизнь надломлена, и скорбит в предвидении преждевременной смерти. Ибо *устойчивая внутри себя и действительная единичность* выключена до крайнего положения и раздвоена на свои моменты, которые еще не нашли друг друга и не соединились. Одно единичное, *абстрактное* недействительное, есть необходимость, которая не принимает участия в жизни центра, точно так же как и другое, *действительное единичное*, певец, который держится вне этой жизни и пропадает в ее представлении. Обе крайности должны приблизиться к содержанию; одна, необходимость, должна наполниться содержанием, другая, язык певца, должна участвовать в нем, и содержание, прежде предоставленное себе самому, должно получить присущую ему достоверность и прочное определение негативного.

[2. *Трагедия.*] Таким образом, этот более возвышенный язык, *трагедия*, сближает и объединяет рассеянные моменты существенного и действующего мира; *субстанция* божественного, *согласно природе по-*

нятия, раздваивается на свои формы, и их движение равным образом соответствует понятию. Что касается формы, то язык, в силу того что он входит в содержание, перестает быть повествующим, подобно тому как содержание перестает быть представленным содержанием. Герой – сам говорящий, и слушателю, который в то же время есть и зритель, представление показывает *обладающих самосознанием* людей, которые *знают* и умеют *высказать* свое право и свою цель, мощь и волю своей определенности. Они – художники, которые не высказывают бессознательно, естественно и наивно, – как в языке, сопровождающем обычное действие в действительной жизни, – *внешнюю* сторону своего решения и начинания, а внешне проявляют внутреннюю сущность, доказывают право совершать свои действия и, независимо от случайных обстоятельств и особенности личностей, обдуманно утверждают и определенно выражают свойственный им пафос. Наконец, *личное бытие* этих характеров – это *действительные* люди, которые надевают личины (die Personen)* героев и изображают их в действительной, не повествующей, собственной речи. Насколько существенно для статуи то, что она сделана человеческими руками, настолько же существенно актер для своей маски – не как внешнее условие, от которого художественное рассмотрение должно было бы абстрагироваться, – или же, поскольку в художественном рассмотрении от него можно, конечно, абстрагироваться, постольку тем самым сказано именно то, что искусство еще не содержит внутри себя истинной, подлинной самости.

[(α) *Индивидуальность хора, героев, божественных сил.*] – *Всеобщая почва*, на которой совершается движение этих рожденных из понятия форм, есть сознание первого представляющего языка и его лишенного самости, разрозненного содержания. Именно мудрость простого народа вообще находит свое выражение *в хоре старцев*; в бессилии этого хора народ имеет своего представителя, потому что он сам составляет лишь положительный и пассивный материал противостоящей ему индивидуальности правления. Лишенный мощи негативного, народ не в состоянии сберечь и удержать богатство и пеструю полноту божественной жизни, а позволяет ей рассыпаться, и в своих прославляющих гимнах он воздает хвалу каждому отдельному моменту как самостоятельному божеству, то одному, то другому. Там же, где народ чувствует серьезность понятия, как оно переступает эти формы, разрушая их, и где он начинает видеть, в каком бедственном положении находятся восхваляемые им божества, осмеливающиеся ступить на ту почву, на которой господствует понятие, там он сам – не негативная сила, которая вмешивается делом, а держится в пределах лишенной самости мысли о них, в пределах сознания *чуждой судьбы*, прибавляя пустое пожелание успокоения и произнося слабые речи об умилоствлении. *В страхе* перед высшими силами, которые представляют собой непосредственные орудия субстанции, перед их взаимной борьбой и перед простой само-

* Первоначальное значение *лат.* persona – “маска актера”, затем “роль”. – *Примеч. пер.*

стью необходимости, которая размалывает как их, так и связанные с ними живые существа; в проявлении *сострадания* к этим живым существам¹⁷⁸, которых народ в то же время знает как тождественных с самим собою, – во всем этом заключаются для народа лишь пассивный испуг перед этим движением и столь же беспомощное сожаление, а в завершение – пустой покой повинования необходимости, результат которой постигается не как необходимое действие характера и не как действие абсолюта внутри себя самой.

В этом созерцающем сознании как на безразличной почве представления дух выступает не в своем рассеянном многообразии, а в простом раздвоении понятия. Его субстанция оказывается поэтому разорванной лишь на свои две крайние силы. Эти стихийные *всеобщие* сущности суть в то же время обладающие самосознанием *индивидуальности* – герои, которые вкладывают свое сознание в одну из этих сил, приобретают в ней определенность характера и составляют ее претворение в действие и ее действительность. – Эта всеобщая индивидуализация, как указано, нисходит еще к непосредственной действительности наличного бытия в собственном смысле и показывается множеству зрителей, которое в хоре имеет свое отображение или, лучше сказать, свое собственное, себя выражающее представление.

Содержание и движение духа, который есть для себя здесь предмет, уже рассматривались в качестве природы и реализации нравственной субстанции. В своей религии дух достигает сознания себя, или представляет себя своему сознанию в своей более чистой форме и более простом формировании. Если, стало быть, нравственная субстанция при помощи своего понятия по своему *содержанию* раздваивается на обе силы, определявшиеся как *божественное и человеческое*, или подземное и высшее право, – первое – *семья*, второе – *государственная власть*, причем первая была *женским*, а вторая – *мужским* характером, – то прежде многообразный и в своих определениях колеблющийся круг божеств суживается до этих двух сил, которые этим определением приближены к индивидуальности в собственном смысле. Ибо прежнее рассеяние целого на многообразные и абстрактные силы, которые кажутся субстанцированными, есть *растворение субъекта*, который охватывает их только как *моменты* в своей самости, и индивидуальность поэтому есть лишь поверхностная форма указанных сущностей. Наоборот, различие *характеров*, которое идет дальше, чем названное, следует отнести к случайной и в себе внешней личности.

[(β) *Двойственность сознания индивидуальности.*] – В то же время сущность разделяется по своей *форме* или *знанию*. Действующий дух противостоит как сознание предмету, на который направлена его деятельность и который тем самым определен как *негативное* знающего; совершающий поступки находится в силу этого в противоположности знания и незнания. Он заимствует свою цель из своего характера и знает ее как нравственную сущность; но благодаря определенности характера он знает только одну силу субстанции, а другая от него скры-

та. Наличная действительность есть поэтому *в себе* – одно, а для сознания – другое; высшее и низшее право приобретают в этом отношении значение, с одной стороны, знающей и открывающейся для сознания силы, и с другой стороны – силы скрывающейся и тайно подкарауливающей. Одна из них – *светлая сторона*, божество оракула, которое со стороны своих природных моментов возникло из всеозаряющего солнца, все знает и делает открытым, – *Феб* и *Зевс*, отец его. Но повеления этого изрекающего истины божества и его провозглашения того, что *есть*, скорее обманчивы. Ибо это знание в своем понятии есть непосредственно незнание, потому что *сознание* в себе самом есть в совершении действий эта противоположность. Тот, кто был в состоянии изъяснить самого загадочного сфинкса¹⁷⁹, так же как и детски доверчивый, посылаются поэтому на гибель тем, что открывает им божество. Та жрица, устами которой говорит прекрасное божество, есть не что иное, как те двусмысленные богини судьбы, которые своими обещаниями толкают на преступление и своим двуличием в том, что они выдают за несомненность, обманывают того, кто полагался на данный в откровении смысл¹⁸⁰. Поэтому сознание, которое чище сознания, доверяющего ведьмам, а также рассудительнее и основательнее того первого, верящего жрице и прекрасному божеству, в ответ на откровение, которое делается самим духом отца об умертвившем его преступлении, медлит с мезью и подготавливает еще другие доказательства – на том основании, что этот делающий откровения дух может быть также и дьяволом¹⁸¹.

Это недоверие потому обоснованно, что знающее сознание отвергает себя в противоположность достоверности себя самого и предметной сущности. Право нравственного, состоящее в том, что действительность есть ничто *в себе* в противоположность абсолютному закону, на опыте узнает, что его знание односторонне, его закон есть только закон его характера, что оно постигло лишь одну из сил субстанции. Сам поступок есть это превращение того, что знают, *в противоположное* ему, в *бытие*, есть переход права характера и знания в право противоположного, с которым первое связано в сущности субстанции, – в Эринию другой враждебно возбужденной силы и характера. Это *низшее* право восседает на троне вместе с *Зевсом* и пользуется таким же уважением, как и знающий бог откровения¹⁸².

Этими тремя сущностями совершающая поступки индивидуальность ограничивает мир божеств хора. Одна сущность его субстанция – в такой же мере власть очага и дух семейного пиетета, как и всеобщая власть государства и правительства. Так как это различие свойственно субстанции как таковой, то оно не индивидуализируется для представления в две различные формы, а имеет в действительности два лица со своими характерами. Напротив того, различие между знанием и незнанием следует отнести к *каждому* из *действительных самосознаний*, и только в абстракции, в стихии всеобщности оно разделяется на две индивидуальные формы. Ибо самость героя обладает наличным бытием только как сознание в целом, и поэтому она по существу составляет все

различие, которое относится к форме; но его субстанция определена, и ему принадлежит только одна сторона различия содержания. Поэтому обе стороны сознания, из коих каждая в действительности не имеет отдельной, собственной индивидуальности, получают в *представлении* каждая свою особую форму, – одна – образ делающего откровения божества, другая – образ скрывающейся Эринии. С одной стороны, и та и другая пользуются одинаковым почетом, с другой стороны, *образ субстанции*, Зевс, есть необходимость взаимного отношения обеих. Субстанция есть отношение, состоящее в том, что знание есть для себя, а истина его – в простом; различие, в силу которого имеется действительное сознание, имеет свою основу в уничтожающей его внутренней сущности; ясное для себя *уверение достоверности* имеет свое подтверждение в *забвении*.

[(γ) *Гибель индивидуальности.*] – Сознание раскрыло эту противоположность благодаря совершению поступков; действуя согласно данному в откровении знанию, оно на опыте узнает его обман, и отдавшись, со стороны содержания, одному атрибуту субстанции, оно оскорбило другой и тем самым дало последнему право на себя. Следуя знающему богу, оно, напротив, уловило то, что не дано в откровении, и расплачивается за то, что доверилось знанию, двусмысленность которого – так как она составляет его природу, – должна была существовать и *для него* и служить ему *предостережением*. Исступление жрицы, нечеловеческий облик ведьм, голос дерева, птицы, сновидение и т.д.¹⁸³ – это не способы проявления истины, а предостерегающие знаки обмана, нерассудительности, единичности и случайности знания. Или, что то же самое, противоположная сила, которую оно оскорбляет, имеется налицо как провозглашенный закон или действующее право, будет ли это закон семьи или государства; сознание, напротив, следовало собственному знанию и скрыло от себя самого то, что было явно и открыто. Но истина выступающих друг против друга сил содержания и сознания есть результат, который сводится к тому, что обе одинаково правы, а потому в своей противоположности, создаваемой поступком, также одинаково не правы. Движение действия доказывает их единство в обоюдной гибели обеих сил и обладающих самосознанием характеров. Примирение противоположности с собою есть *Лета подземного мира* в смерти, или *Лета высшего мира*, как оправдание, – не оправдание вины, ибо сознание, так как оно совершало поступки, отрицать ее не может, а оправдание преступления и его искупительное умиротворение. И та и другая Лета есть *забвение*, исчезновение действительности и проявления сил субстанции, их индивидуальностей и сил абстрактной мысли о добре и зле; ибо ни одна из них для себя не есть сущность, последняя же есть покой целого внутри себя самого, неподвижное единство судьбы, покоящееся наличное бытие, а следовательно, бездеятельность и нежизненность семьи и правительства, и равный почет, а следовательно, равнодушная недействительность Аполлона и Эринии и возвращение их одушевления и деятельности в простого Зевса.

Эта судьба завершает изгнание населения с неба, безмысленного смешения индивидуальности и сущности – смешения, благодаря которому действие сущности является действием непоследовательным, случайным, ее недостойным; ибо индивидуальность, которая лишь поверхностно присовокуплена к сущности, есть несущественная индивидуальность. Устранение таких лишенных сущности представлений, которого требовали философы древности¹⁸⁴, начинается, следовательно, уже в трагедии вообще благодаря тому, что разделение субстанции подчинено понятию, и индивидуальность тем самым есть существенная индивидуальность, и определения – абсолютные характеры. Самосознание, которое представлено в трагедии, знает и признает поэтому только одну высшую силу и “этого” Зевса – лишь как силу государства или очага, а в противоположности знания лишь как отца формирующегося знания об *особенном*, а также – как Зевса клятвы и Эринии, *всеобщего*, “внутреннего”, которое обитает в сокровенном. Моменты, продолжающие рассеиваться из понятия в представление, один за другим признаваемые хором, не составляют, напротив, пафоса героя, а низводятся для него до страсти, до случайных, лишенных сущности моментов, которые хотя и восхваляются хором, лишенным самости, но не способны составлять характер героев и не могут быть ими провозглашены и почитаемы как их сущность.

Но и лица самой божественной сущности, равно как и характеры ее субстанции, сливаются в простоту бессознательного. Эта необходимость имеет по отношению к самосознанию определение: быть негативной силой всех выступающих форм, не узнавать себя самой в ней, а напротив, в ней гибнуть. Самость выступает лишь постольку, поскольку ею наделены *характеры*, а не как средний термин движения. Но самосознание, простая *достоверность* себя, на деле есть негативная сила, единство Зевса, *субстанциальной сущности и абстрактной* необходимости, оно есть духовное единство, в которое все возвращается. Так как действительное самосознание еще отличают от субстанции и судьбы, то оно есть, *с одной стороны*, хор или, вернее, толпа зрителей, на которую это движение божественной жизни как нечто *чуждое* наводит страх или в которой оно как нечто близко ей вызывает только умиление недеятельного *сострадания*. С другой стороны, поскольку сознание также совершает поступки и принадлежит характерам, это соединение (так как истинного соединения, соединения самости, судьбы и субстанции еще нет) есть соединение внешнее, *гипокризия*; герой, выступающий перед зрителем, распадается на свою маску и актера, на личину (die Person) и действительную самость.

Самосознание героев должно выступить из своей маски и проявить себя таким, каким оно знает себя в качестве судьбы как божеств хора, так и самих абсолютных сил, и больше уже не отделено от хора, всеобщего сознания.

[3. К о м е д и я .] – Таким образом, одна сторона *комедии* состоит прежде всего в том, что действительное самосознание проявляется как

судьба богов. Как *всеобщие* моменты эти стихийные сущности не представляют собою самость и не действительны. Хотя они и наделены формой индивидуальности, но она у них только воображаемая и не присуща им в себе и для себя: действительная самость не имеет своей субстанцией и содержанием такого абстрактного момента. Самость, субъект, возвышается поэтому над таким моментом как над единичным свойством и, надев эту маску, выражает иронию этого свойства, которое хочет быть чем-то для себя. Претенциозность всеобщей сущности обнаруживается в самости; оно оказывается в плену у некоторой действительности и сбрасывает маску, именно желая быть чем-то настоящим. Самость, выступая здесь в своем значении как то, что действительно, играет маской, которую однажды надевает, дабы быть своим лицом; но из-за этой видимости она тотчас же вновь показывает себя в своей собственной наготе и обыденности, которая оказывается неотличима от самости в собственном смысле – актера, равно как и от зрителя.

Это всеобщее растворение формировавшейся сущности вообще в ее индивидуальности становится в своем содержании серьезнее, а в силу этого – своевольнее и язвительнее, поскольку значение содержания серьезнее и необходимее. Божественная субстанция соединяет в себе значение естественной и нравственной сущности.

[(α) *Сущность природного наличного бытия.*] – По отношению к “природному” действительное самосознание уже в применении его к своему украшению, жилищу и т.д. и в пиршестве, сопровождающем его жертвоприношение, обнаруживается как судьба, которой выдана тайна того, как обстоит дело с самодовлеющей сущностью природы; в мистерии хлеба и вина оно осваивает природу вместе с значением внутренней сущности, и в комедии оно сознает иронию этого значения вообще. – Поскольку же в этом значении содержится нравственная сущность, оно, во-первых, есть народ, рассматриваемый с двух сторон – народ как государство или демос в собственном смысле и народ как семейная единичность, и, во-вторых, оно есть обладающее самосознанием чистое знание или разумное мышление о всеобщем. – Названный *демос*, всеобщая масса, которая знает себя как господина и правителя, равно как и достойным уважения рассудком и здравомыслием, принуждаемый и обманываемый особенностью своей действительности, представляет смешной контраст между своим мнением о себе и своим непосредственным наличным бытием, своей необходимостью и случайностью, своей всеобщностью и обыденностью. Если принцип единичности демоса, отделенной от всеобщего, выступает в подлинной форме действительности и явно завладевает и управляет общественностью, которой втайне приносит вред, то непосредственнее раскрывается контраст между всеобщим как теорией и тем, о чем дело должно идти на практике, – полное освобождение целей непосредственной единичности от всеобщего порядка и насмешка ее над ним.

[(β) *Отсутствие сущности в абстрактной индивидуальности божественного.*] – Разумное мышление освобождает божественную сущность от ее случайной формы и, в противоположность не постигнутой в

понятии мудрости хора, высказывающего всевозможные нравственные изречения и признающего множество законов и определенных понятий долга и права, возвышает их до простоты идей *прекрасного* и *доброго*. – Движение этой абстракции есть сознание диалектики, присущей этим максимам и законам, и в силу этого – сознание исчезновения абсолютной значимости, в которой они выступали до сих пор. Так как исчезает случайное определение и поверхностная индивидуальность, сообщаемые представлением божественным сущностям, – со стороны *природной* у них остается еще лишь нагота их непосредственного наличного бытия, они – облака, исчезающий туман, как и те представления¹⁸⁵. После того как по своей *мысленной* сущности они превратились в *простые* мысли о *прекрасном* и *доброем*, их можно наполнить любым содержанием. Сила диалектического знания отдает определенные законы и максимы поведения на произвол удовольствию и легкомыслию совращенной тем самым молодежи, а боязливой и заботливой старости, сосредоточившейся на мелочах жизни, дает в руки оружие для обмана. Чистые мысли о прекрасном и добром являют, таким образом, комическое зрелище, состоящее в том, что благодаря освобождению от мнения, которое содержит их определенность как содержание и их абсолютную определенность, устойчивость сознания, они становятся пустыми и в силу именно этого – игрой мнения и произвола случайной индивидуальности.

[(γ) *Единичная самость, достоверно знающая себя как абсолютную сущность.*] – Здесь, стало быть, бессознательная прежде судьба, состоящая в пустом покое и забвении и отделенная от самосознания, соединена с ним. *Единичная самость* есть негативная сила, благодаря которой и в которой исчезают как божества, так и их моменты, налично сущая природа и мысли об ее определениях; в то же время она не есть пустота исчезновения, а содержится в самом этом ничтожестве, остается у себя и есть единственная действительность. Художественная религия завершилась в ней и полностью ушла обратно в себя. Благодаря тому, что именно единичное сознание в достоверности себя самого проявляется как эта абсолютная сила, последняя потеряла форму чего-то *представленного*, вообще отделенного от сознания и ему чуждого, – каковы были статуи, а также живая прекрасная телесность или содержание эпоса и силы и лица трагедии; – точно так же единство не есть *бессознательное* единство культа и мистерии; подлинная самость актера совпадает с его личиной, равно как и зритель, который полностью осведомлен о том, что ему представляют, и видит самого себя изображенным в игре. Это самосознание созерцает то, что все, принимающее в противоположность ему форму сущности, внутри его, напротив, растворяется и предоставлено его мышлению, наличному бытию и действованию; – это есть возвращение всего всеобщего в достоверность себя самого, которая тем самым есть такое полное бесстрашие перед лицом всего чуждого и такое отсутствие сущности во всем чуждом, а также благополучие и благоденствие сознания, каких вне этой комедии уже не найти.